

Реформум

«РОЛЬ ВОЛОНТЁРСКИХ НИЗОВЫХ ИНИЦИАТИВ БУДЕТ ТОЛЬКО РАСТИ»

**9 интервью с представителями
9 антивоенных проектов**

РЕФОРУМ

2023

С момента вторжения России в Украину десятки тысяч активистов, сотрудников НКО, правозащитников, журналистов и просто людей с антивоенной позицией покинули Россию: на родине им грозили преследования, реальные тюремные сроки, запрет на открытое высказывание. Но многие и остались, чтобы продолжать помогать на местах. Они создали протоколы безопасности, часто работают анонимно и не теряют связи с теми, кто уехал.

Почти сразу же, уже в конце февраля 2022 г., и в России, и в странах релокации начали появляться десятки, потом сотни помогающих инициатив. Большая часть направлена на помощь и поддержку украинских беженцев, немало и тех, кто работает для россиян внутри России и вне её, занимаясь контрпропагандой, помощью призывникам, формированием комьюнити в странах присутствия и пр.

Многие такие инициативы не слишком видимы на Западе, отчего у политиков и простых граждан Евросоюза порой возникает впечатление о пассивности россиян. Но это ложное впечатление.

Мы поговорили с представителями всего 9 инициатив и выяснили: все они верят в силу и перспективность горизонтальных связей, налаживают отношения с украинцами и европейским гражданским обществом. Они видят себя в послевоенном будущем России, уже сейчас думают о нём и готовятся к нему.

«Я вижу прямую связь между информированием людей и их способностью к сопротивлению, как и между дезинформацией и ужасными событиями с человеческими жертвами»

Лев Гершензон, IT-предприниматель, создатель неподцензурного новостного агрегатора The True Story, в прошлом глава проекта «Яндекс.Новости»

Представьте ваш проект, расскажите, какой вклад он вносит в прекращение войны и построение мирного будущего России

Агрегатор The True Story мы начали делать в апреле 2022 г., через месяц с небольшим после начала войны. До этого я как экс-глава «Яндекс.Новости» месяц

публично обращался к сотрудникам «Яндрекса» через Facebook и интервью, обращая их внимание, какую роль в распространении дезинформации и сокрытии важной информации играют «Яндекс.Новости» и главная страница «Яндекса», на которой они находятся. Я несколько лет руководил этим сервисом, к началу войны в «Яндексе» уже не работал, но хорошо представлял, какое огромное влияние на россиян оказывают и сами «Яндекс.Новости», и несколько заголовков, висящих на главной странице.

В первые дни войны аудитория «Яндекса» доходила до 100 млн человек в день, это 2/3 населения страны. Ещё не были приняты репрессивные законы, не была введена цензура, многие независимые издания не были заблокированы, и у «Яндекса» был шанс настроить свой агрегатор так, чтобы правдиво освещать события, получая информацию из официальных открытых источников – «Эха», «Новой газеты» и т.п. Или же можно было убрать блок новостей с главной страницы – благовидных предлогов хватало, например, можно было сослаться на невозможность оперативно проверять информацию. Но мой призыв не был услышан, и сотня миллионов россиян с первых дней видела вместо новостей пропаганду и читала о денацификации Украины.

Этот сюжет вызвал внимание зарубежной прессы и обсуждения в «Яндексе» (хотя и не приведшие к результату).

Долгое время считалось, что граница поколений, граница пропаганды и правдивой информации пролегает между телевидением и интернетом. Мол, те, кто читает новости в интернете, владеют объективными данными. Но пропаганда вполне уверенно себя чувствует и на территории интернета, как минимум в его российском сегменте. Проникновение интернета в России очень велико – телевизоров в стране, думаю, меньше, чем смартфонов. В России есть крупные IT-порталы, у которых есть новостной агрегатор на главной странице, «Яндекс» – один из крупнейших. Приложение Google Chrome тоже устроено так, что десятки миллионов россиян потребляют новостной контент при попытке зайти в браузер и готовы переходить по ссылкам с главной страницы некритично, не обращая внимания на источник (не случайно люди часто говорят: «Я это на «Яндексе» прочитал»).

Один из секретов эффективности пропаганды в том, что она всегда предлагает информацию из одного источника, не фокусируясь на том, что это за источник. Чем размытее – тем лучше, главное, чтоб у человека в голове остался лживый факт. И когда мои усилия в чем-то убедить бывших коллег не возымели результата, я подумал, что было бы хорошо сделать альтернативный агрегатор, откуда человек мог бы узнавать новости и по умолчанию на первой же странице видеть изложение сюжета из разных источников.

Я написал закрытый пост в Facebook – рассказал про идею агрегатора и добавил, что можно дать мне денег или лично поучаствовать в его создании. Денег никто не предложил, но человек 40, из них половина незнакомых, отозвалась. В команде было 75% волонтеров, откликнулись и высококлассные специалисты с опытом работы в Facebook, Microsoft, «Яндексе». Мы работали очень быстро, уже в августе запустили The True Story. Я не знаю историй запусков подобных продуктов за 4 месяца; люди

работали в очень мощном порыве.

Очень важно, что в освещении важных событий присутствуют и подцензурные издания («Интерфакс», РБК, VC.ru, множество региональных медиа): когда к нам заходит кто-то из России, у него не возникает ощущения, что это сборник пропаганды Госдепа. Да и пропагандистам было трудно нас поливать помоями.

В первый день было 50 000 заходов, а через три дня нас заблокировал Роскомнадзор. Власти оценили нашу скорость и эффективность, испугались агрегатора, который будет давать адекватную картину. Сейчас у нас достаточно скромная аудитория – около 150 000 посетителей в месяц. С ситуацией немного примиряет то, что нашим агрегатором пользуются журналистские коллективы с куда большей аудиторией.

Я вижу прямую связь между информированием людей и их способностью к сопротивлению или хотя бы неучастию в войне. Например, рассказы о проблемах мобилизованных очень важны, чтоб люди добровольно не шли за длинным рублём. Чем больше людей будет знать, что их там ждёт, тем с большей вероятностью они не подпишут контракт. А родственники будут собирать деньги не на экипировку, а на то, чтоб мобилизованные не попали на фронт.

А ещё я вижу прямую связь между дезинформацией и ужасными событиями с человеческими жертвами, происходящими оффлайн. Пропаганда действует и на оккупированных территориях, оказывает разрушительный эффект на тамошнее население и его действия.

Как вы видите свою роль в послевоенном мирном процессе? Продолжится ли ваша работа и/или во что она может трансформироваться?

Я не хочу дожидаться конца войны – для меня, как и для любого европейца, тем более для еврея с российским паспортом, войн происходит много. Уже сейчас было бы здорово, если бы проект стал был международным, многоязычным, зарабатывал деньги.

Что касается будущего: я не согласен с оппозицией, которая уверена, что если захватить Останкино и начать транслировать по телевизору правду, страна изменится за две недели. Это всё тот же тупиковый принцип, что у пропаганды: «мы вам диктуем, что правильно, что нет, а вы записывайте». Это работает только до следующего переворота, следующей смены власти. Она меняется – и люди послушно записывают, какой злодей правил страной до этого. Долгосрочное решение – многолетний, многодесятилетний проект по обучению критическому мышлению, анализу информации на разных площадках. Технологические платформы, индустрии, СМИ должны очень долго следовать определенным стандартам, как тот английский газон, который нужно стричь 300 лет, чтобы он хорошо выглядел. Только тогда общество станет устойчивее, потому что никто не сможет сказать ему: всё, выборы нам больше не нужны, я ваш лидер.

Если рынок медиа в России либерализуется, у нас на этом рынке точно будет место: наш продукт хорошего качества, внимание прессы и специалистов это подтверждает. При наличии ресурсов у него есть шанс занять хорошую долю свободного рынка. Есть идея сделать карту российских медиа, включая YouTube- и телеграм-каналы, популярных блогеров, чтобы оценивать их друг относительно друга и какие они

продвигают нарративы. Очень актуальны сервисы по противодействию кремлёвской пропаганде и донесению информации до других информационных пузырей.

Как, на ваш взгляд, Россия может укрепить доверие международного сообщества к себе в послевоенный период? Какие изменения должны для этого произойти в российской политике и обществе?

До 80% новостного контента распределяется в России платформами – «ВКонтакте», «Яндекс», Google. Там люди и получают новостную информацию, на основе которой принимают решения – ровно ту, что государство разрешило, не размышляя, откуда она пришла. Эта ситуация делает 140-миллионную страну с большими ресурсами и ядерным оружием достаточно нестабильной. С этим нужно что-то делать. Если ситуация поменяется, если таких людей будет не 80-90%, а 60-70%, с таким государством можно будет иметь дело.

Вы недавно участвовали в поездке Брюссель, организованной Free Russia Foundation для представителей гражданских инициатив. Как можете оценить итог общения с европейскими институтами, и как вашему проекту помогла эта поездка?

Стало немного понятнее, как они (в частности, НАТО) устроены и работают. Познакомился с новыми людьми, которые, возможно, помогут в реализации проектов.

«Роль волонтерских низовых инициатив будет только расти»

Катерина Кильтау, гражданский активист, соосновательница Emigration for Action – проекта российских эмигрантов в Грузии, экс-координатор движения «Голос» в Алтайском крае

Представьте ваш проект, расскажите, какой вклад он вносит в прекращение войны и построение мирного будущего России

Emigration for Action – проект российской эмиграции, который помогает украинским беженцам в Грузии в медицинской, социальной, психологической сфере и объединяет русскоязычное сообщество с антивоенными взглядами. Мы запустились в апреле 2022 г.

Весной 2022 г. сотни людей, занимавшихся в России гражданским активизмом, оказались в Грузии. Мы быстро поняли, что хотим преобразовывать деструктивное чувство вины в созидательное чувство ответственности – а значит, каким-то образом помогать украинцам. В Грузии их оказалось очень много, особенно с юго-восточной части Украины: не у всех беженцев была возможность выехать на Запад, многие не хотели задерживаться в России и получать российские паспорта. Так десятки тысяч людей приехали Грузию с одним чемоданом. Они нуждались в самой разной помощи – жилье, еде, одежде.

Сначала помощь была хаотичной и подпитывалась личным энтузиазмом: помню колоссальное количество точек притяжения, куда люди приносили гуманитарную помощь. Довольно быстро этот энтузиазм начал схлопываться, и остались только проекты, которые смогли сделать помощь системной.

Мы решили сконцентрироваться на медикаментах. В Грузию приезжали украинцы, потерявшие здоровье из-за боевых действий (сидение в подвалах, холод, голод), с тяжелыми хроническими заболеваниями. Многие из них были вынуждены уехать из Украины именно из-за отсутствия препаратов, необходимых им для нормальной жизни. Был запрос и на помощь психолога: у большинства стресс, у многих посттравматическое расстройство.

Грузия – не самая богатая страна, а многие медикаменты (например, для терапии онкологических заболеваний, цирроза и пр.) стоят очень дорого. Бюджетная поддержка украинцев есть, но она минимальная. Так что мы начали собирать частные пожертвования для закупки препаратов. Украинские беженцы узнают о нас через социальные сети и сарафанное радио. Мы смотрим, насколько запрос срочный, можем ли мы их приобрести, договариваемся с аптеками, покупаем лекарства пакетами и отдаём тем, кто в них нуждается. Чтобы грамотно и бережно общаться с украинцами на площадке, все наши волонтеры проходят курсы первой психологической помощи. Также для них проходят консультации с провизорами и фармацевтами. Уже более 8300 украинцев получили благодаря нам медицинскую поддержку, в том числе мы помогли решить 100 с лишним сложных медицинских кейсов.

В команде шесть сооснователей проекта и десятки волонтеров. У каждого сооснователя есть своя зона ответственности. Кто-то занимается финансовыми вопросами, кто-то координацией работы площадки и выдачи медикаментов, я лично возглавляю медиаотдел. Есть отдел ивентов: мы за полтора года провели больше 200 образовательных, просветительских, антивоенных мероприятий, на которых мы собираем пожертвования для закупки медикаментов. Очень важное направление нашей работы – вовлечение русскоязычного комьюнити в антивоенную деятельность.

За время работы через нашу организацию прошли сотни волонтеров. Мы слышали от многих, что они «хотят быть хоть чем-то полезными», «мир вокруг не станет лучше, если ничего не делать» и т.д. Волонтерство – один из способов вернуть себе контроль: не получилось остановить войну, но можно влиять на её последствия. Такая деятельность, как и хорошее стойкое антивоенное комьюнити с понятными разделяемыми ценностями,

помогает «сохраниться».

Мы публично заявляем о своей позиции. Рассказываем истории украинцев, которые пережили ад, истории членов команды и нашей борьбы с режимом в России и здесь. Рассказываем, как именно помогаем, как переживаем происходящее, напоминаем о несправедливости и творящемся насилии. Так мы дотянулись до многих, кто разделяет нашу позицию.

Туман войны, туман неопределённого будущего заставляют многих терять ориентиры. Но я уверена: мы – я говорю обо всех помогающих инициативах, их десятки и сотни, – представляем альтернативное лицо России. Роль волонтерских низовых инициатив будет только расти. Уже сейчас организации вроде нашей напрямую влияют на отношение украинцев к россиянам. Мы не просто помогаем людям – мы разговариваем с ними. Я вижу, как украинские беженцы в Грузии видят, что им посильно помогают проекты, созданные россиянами, – и через недоумение, слом, а потом принятие приходят к тому, что не все россияне – орки, что среди них очень много адекватных и просто хороших людей.

Как вы видите свою роль в послевоенном мирном процессе? Продолжится ли ваша работа и/или во что она может трансформироваться?

Мы, конечно, будем изо всех сил и дальше помогать украинцам, но средств на эту помощь становится всё меньше, рутинизация войны подрывает первоначальный энтузиазм. Трансформация проекта нужна и неизбежна: нужно, чтобы мы могли существовать дальше и развиваться, даже когда украинцы перестанут нуждаться в нашей помощи. Сейчас мы продолжаем проводить краудфандинговые кампании, делать коллаборации с разными партнерами, а также пытаемся работать вместе с русскоязычными антивоенными комьюнити в других странах. У нас сильная и приятная в плане взаимодействия команда, остаётся понять, что мы можем себе позволить и на что у нас хватит сил. Конкретных ответов на вопрос, что мы будем делать после войны, у меня пока нет, потому что горизонт планирования, кажется, у всех минимальный. Но мы думаем о будущем.

Как, на ваш взгляд, Россия может укрепить доверие международного сообщества к себе в послевоенный период? Какие изменения должны для этого произойти в российской политике и обществе?

Есть ощущение, что сейчас в Европе как обычные люди, так и представители европейских органов власти не так много знают о российском оппозиционном антивоенном движении, о том, что существуют сотни инициатив, которые помогают беженцам, борются с пропагандой, устраивают митинги и т.д. То, что сотни тысяч уехали из России просто потому что не согласны с тем, что происходит, не хотят платить налоги российскому государству. И для украинцев, с которыми я разговариваю, это часто огромное открытие – то, как мы боролись в России против путинского режима, как мы боремся с последствиями вторжения и пытаемся приближать доступными нам

средствами конец войны (пусть и не так быстро, как им бы хотелось). Это вакуум, и его нужно заполнять. Возможно, тогда отношение начнёт не кардинально, но меняться.

Грустно, что за постсоветские годы не было выстроено устойчивых мостов для диалога гражданского общества России и Европы. Активно этим занялись после начала войны. Это проблема, и сейчас надо начинать её решать – ведь инфраструктура необходима и в мирное, и в немирное время. Как кто-то писал, «диалог – единственная форма достойных отношений в наше недостойное время». Нас определённо ждёт транзит, мы увидим его своими глазами. А прочные связи помогут его пройти.

У меня нет универсального рецепта, кроме «делай, что должен, и будь что будет». Каждому из нас нужно продолжать на своём уровне делать всё возможное, чтобы перестать чувствовать испанский стыд за свое государство. Руки опускать нельзя, потому что Путин хочет именно этого: чтобы посаженные семена выученной беспомощности выросли в большое дерево, а все его преступления и репрессии превратились в информационный шум. Нельзя, чтобы он добился своего.

Вы недавно участвовали в поездке Брюссель, организованной Free Russia Foundation для представителей гражданских инициатив. Как можете оценить итог общения с европейскими институтами, и как вашему проекту помогла эта поездка?

Неподготовленному человеку достаточно сложно разобраться в бюрократической и институциональной системе ЕС. Эта поездка помогла хотя бы частично сформировать представление о том, как принимаются решения, какие акторы существуют. Поездка дала новых идейных знакомых и полезные контакты, с которыми можно делать совместные проекты, направленные на помощь украинцам и в целом на развитие гражданского общества России.

«Наша основная задача – помогающая и просветительская, она всегда актуальна, тем более в такой многонациональной стране, как Россия»

Кирилл Немакин, сооснователь и директор
расследовательского проекта «Метла», руководитель
проекта «Нерусский мир»

Представьте ваш проект, расскажите, какой вклад он вносит в прекращение войны и построение мирного будущего России

И «Метла», и «Нерусский мир» – безусловно антивоенные проекты. «Метла», к примеру, находит преступников, наживающихся на войне, и рассказывает о них. Разговоры о коллективной вине не только депрессивные, но и опасные: у каждого преступления есть актер, у каждого преступника есть имя. Благодаря расследованиям мы можем узнать эти имена, и надеюсь, что в недалёком будущем эти люди будут осуждены и ответят за свои преступления.

«Нерусский мир» – просветительский проект, его задача – повышение субъектности коренных народов. Эта субъектность влияет на всё российское общество и на все большие события, происходящие с ним. Я уверен: если бы Россия была федерацией не только на бумаге, многих ошибок можно было бы избежать. Коренные народы должны стать своего рода предохранителем: если центр (Кремль, Москва) запустит очередную кровавую инициативу, именно коренные народы могут прервать эту цепочку.

Как вы видите свою роль в послевоенном мирном процессе? Продолжится ли ваша работа и/или во что она может трансформироваться?

Продолжится: наша основная задача – помогающая и просветительская, она всегда актуальна, тем более в такой многонациональной стране, как Россия. Мы не занимаемся рисованием фантастических карт раздробления России. Мы работаем на то, чтобы народы сами могли определять свое будущее.

Для этого мы запускаем разные инициативы: например, обучение работе с Википедией (это крупнейший доступный информационный ресурс, а история коренных народов подана там отвратительно), планируется к запуску Школа национального лидерства. Сегодня все национальные элиты абсолютно сервильны: последние 20 лет они либо запугивались, либо подкупались, и в итоге руководят не лучшие люди,

а наиболее преданные, по щелчку сверху съезжающиеся митинговать или голосовать. Наш проект по лидерству ставит себе цель вырастить новые элиты.

В «Нерусском мире» очень сильная экспертиза: есть кандидаты и доктора наук (в том числе со степенями зарубежных вузов – PhD) со знанием национальных языков, в их числе многочисленные представители коренных народов. Мы работаем сейчас над большим историческим исследовательским проектом.

Весной будем проводить инкубатор для национальных медиа, которые пишут либо на национальных языках, либо на русском, но с фокусом на коренных народах и местах их проживания. Это полный спектр обучения – от творческих мастерских до разбора глобальных тем вроде гендерного разнообразия, финансового менеджмента и построения сообществ. Работа с историей, языком, политической субъектностью, представительством в органах власти постоянна, она не имеет финальной точки.

Как, на ваш взгляд, Россия может укрепить доверие международного сообщества к себе в послевоенный период? Какие изменения должны для этого произойти в российской политике и обществе?

В той ситуации, где мы сейчас, возможен только один ответ на этот вопрос: мафиозная группировка, захватившая власть в стране, должна уйти. Должны восторжествовать закон и демократия. Как только законы заработают, страна преобразится. И хотя проблема ксенофобии не исчезнет – она есть во всём мире, – в легальном поле она уменьшится и станет более контролируемой.

Руководству России выгодно сеять рознь и разжигать конфликты, в том числе на национальной почве. Ненависть, которая льётся с экранов, не может просто испариться. Она оседает, негатив выплескивается – сегодня на мигранта, который не вовремя доставил тебе заказ или случайно наступил на ногу в автобусе, завтра – на ребят с радужным флагом. Нужно прекратить плодить ненависть и начать с уважением относиться к своему народу.

Вы недавно участвовали в поездке Брюссель, организованной Free Russia Foundation для представителей гражданских инициатив. Как можете оценить итог общения с европейскими институтами, и как вашему проекту помогла эта поездка?

Стало более понятно, что ЕС – это сложный механизм, где в разработке решений участвует множество комитетов, аналитических центров, партий, фондов и отдельных политиков. И значит, очень важно расширять сотрудничество со всеми акторами европейской политики, доносить до них точку зрения российского гражданского общества. Было важно услышать мнение европейских политиков, узнать новое о проектах коллег. Есть и договорённости о совместных инициативах.

«Участие молодых в политике, в борьбе с режимом – это очень важно»

Мария Новикова, юрист, правозащитница и соосновательница антивоенного TikTok-медиа NITKA, исследовательница глобальной свободы слова в Колумбийском университете (США)

Представьте ваш проект, расскажите, какой вклад он вносит в прекращение войны и построение мирного будущего России

NITKA – это первое TikTok-медиа о политике. С помощью коротких роликов, иногда ироничных, мы рассказываем о ситуации в стране и мире, о политических терминах, о правах человека, о природе власти и о войне. Наша аудитория – школьники и студенты, которые проводят в TikTok по несколько часов в день и черпают знания о том, что происходит в стране и мире, в основном оттуда.

Эти молодые ребята – очень важная часть российского гражданского общества, о которой часто забывают. Большинство инициатив обращаются к образованным интеллигентным взрослым, которые информационно подкованы и разделяют их ценности. Это понятно: с такой аудиторией легко говорить, её достаточно просто поддержать. Но именно студентам и школьникам жить в России будущего. Война закончится, Путина не будет, а нынешние подростки будут жить и работать в России и голосовать на самых первых честных выборах. Очень важно подготовить их к взрослой свободной жизни, научить понимать важность политических процессов, уметь критически мыслить. Как выбирать кандидата, как воспринимать их программы? Если мы сейчас не запустим этот процесс просвещения молодой аудитории, мы её потеряем. А молодёжь очень важно иметь в сторонниках.

Есть, конечно, вероятность, что они найдут ответы на важные вопросы о войне и режиме и без нас – но думаю, лучше и перспективнее поддержать их интерес и желание узнать, почему происходит то, что происходит, помочь им стать более вовлечёнными. А интерес и желание разобраться у молодёжи точно есть – и они искренне не знают, где брать информацию, которая будет правдива, понятна и упакована в привычный им формат. Google и YouTube предлагают им длинные статьи или часовые ролики, где взрослые люди монотонно говорят в камеру сложные вещи – совсем как преподаватели в школе или вузе. Поколению, привыкшему к TikTok, такие форматы не зайдут. Чтобы у них не пропало желание разобраться, надо рассказывать им о том, что им интересно, их языком, языком коротких роликов (мы сами по несколько часов в день проводим

в TikTok, чтобы отслеживать тренды и понимать, что интересно и модно). Пусть они не думают, что их кто-то чему-то учит, обращается сверху вниз. Мы делимся тем, что поняли, потому что мы сами такие, у нас те же желания и мечты о будущем.

Знакомые студенты спрашивают меня: «Как нам говорить с однокурсниками о войне, как их убедить?» Я отвечаю: «Поделись с ними парой антивоенных роликов, не обязательно наших. Случайным образом эти ролики им не попадутся – алгоритмы TikTok не такие, как в Instagram, то, что понравилось друзьям, в твою ленту не попадает. Но если ты лично прислал ролик, и они его откроют и посмотрят, то TikTok будет подкидывать им всё больше таких видео».

Как вы видите свою роль в послевоенном мирном процессе? Продолжится ли ваша работа и/или во что она может трансформироваться?

Изначально NITKA медиа была антивоенным проектом: мы хотели рассказывать о войне для аудитории TikTok. Но команда стала разрастаться, мы начали ощущать свою ценность, получать положительный фидбэк от аудитории. Сегодня у нас большие планы на будущее: мы понимаем, что проект будет актуален и после окончания войны, и хотим расширяться, делать образовательные проекты. Сейчас мы также помогаем низовым инициативам развивать их TikTok. Мы все хотим свободы России и победы Украины и делаем одно дело. Благодаря тому, что антивоенных TikTok-медиа становится больше, нам проще получить доступ к аудитории: вместе мы окружаем молодёжь облаком политического контента.

Участие молодёжи в политике, в борьбе с режимом – это очень важно. Не надо думать, что раз у них мало опыта, то они не понимают жизнь. Молодые люди сейчас умнее, чем мы были в их возрасте.

Они больше и быстрее узнают, понимают, анализируют, видят связи между поступками и последствиями. Важно давать им площадку для высказывания. Я замечаю, что оппозиционные деятели стали прислушиваться к молодёжи, низовым активистам, к маленьким организациям, в том числе тем, кто занимается TikTok. Растёт понимание, что у независимых медиа всё-таки ограниченное покрытие, а TikTok позволяет его сильно расширить. Многие, в том числе люди в возрасте, открывают TikTok благодаря нам.

Наше демократическое сообщество продвигается вперёд, эволюционирует, и это замечательно.

Как, на ваш взгляд, Россия может укрепить доверие международного сообщества к себе в послевоенный период? Какие изменения должны для этого произойти в российской политике и обществе?

Одна из наших задач – взаимодействовать с европейскими молодёжными движениями и объединениями. Внутри таких альянсов мы делимся опытом. Мы, представители российских молодёжных оппозиционных движений, рассказываем, например, как наша страна стала демократией, но не смогла ею остаться и скатилась в авторитаризм. В Европе, в том числе во Франции, где я сейчас нахожусь, я вижу очень

много правых настроений. Опыт России должен показать европейцам, что даже если вы уже демократия, ни в коем случае нельзя прекращать просвещение, демократизацию общества, работу с молодежью: риск стать диктатурой всегда есть. Мы можем поделиться опытом того, как мы боремся с этой диктатурой, а они с нами – инструментами взаимодействия с аудиторией, инструментами продвижения демократических ценностей. Мы полезны друг для друга.

Мне кажется очень важным показать российским активистам, всему антивоенному сообществу, как европейцы интересуются политикой. Здесь это часть культуры, у всех есть политические взгляды, и обсуждать их вполне нормально. Каждый европеец испытывает симпатии или антипатии к определённым партиям, за «своими» партиями следят, их обсуждают, за них голосуют, поддерживают их донатами и пр. Я бы очень хотела, чтобы и России так было. Путину, к сожалению, удалось отбить интерес и желание в этой сфере. Это ещё одна наша задача – продвигать культуру участия в гражданских процессах и в политике, в том числе мировой.

Вы недавно участвовали в поездке Брюссель, организованной Free Russia Foundation для представителей гражданских инициатив. Как можете оценить итог общения с европейскими институтами, и как вашему проекту помогла эта поездка?

Появилось более глубокое понимание, как мы можем коммуницировать с органами ЕС и что волнует европейское сообщество. По итогам встреч будем работать над нашей стратегией влияния на аудиторию как в Европе, так и внутри России. Я получила контакты, благодаря которым конкретно моя организация сможет наладить горизонтальную связь с европейскими молодежными организациями для обмена опытом и инструментами работы с молодыми людьми.

«Можно поддерживать людей, не дать им отчаяться и опустить руки»

Ольга Петрова*, правозащитница, активистка, участница ФАС (Феминистского антивоенного сопротивления)

* имя изменено из соображений безопасности

Представьте ваш проект, расскажите, какой вклад он вносит в прекращение войны и построение мирного будущего России

Феминистское антивоенное сопротивление возникло 25 февраля, на второй день войны. Сейчас у ФАС есть ячейки более чем в 30 странах. ФАС работает и внутри России, и за границей. Это два огромных направления и две разные аудитории.

Активизм в России максимально непубличен из соображений безопасности. Одновременно наша главная задача внутри страны – чтобы люди знали, что они не одиноки со своими антивоенными взглядами, что их много. Активисты в России постоянно в окружении пропаганды, на них оказывается мощнейшее социальное давление. Мы помогаем проводить антивоенные акции и выпускаем памятки по безопасности, издаём газету «Женская правда», написанную простым языком и мимикрирующую под районную прессу. Туда каждая может предложить статью, а потом, сознавая свои риски, распространять эту газету тем способом, который сочтёт для себя возможным. Эта, казалось бы, небольшая, но важная и созидательная работа очень много значит для самих активисток.

Делая публичные акции за пределами России, мы стремимся к тому, чтобы тема войны оставалась в публичной повестке. Европа устала от войны, и это можно понять: трудно постоянно сопереживать, читать душераздирающие истории. Появляются те, кто говорит: «Пусть Украина отдаст уже России территории, лишь бы это поскорее закончилось».

Акции привлекают их внимание сильнее, чем тексты, напоминают, что им есть ради чего терпеть растущие счета за отопление и рост цен на продукты. Нужно, чтобы война продолжала оставаться для них злодейской и неприемлемой, чтобы люди не только знали это, но и не стеснялись выразить своё отношение – голосами на выборах, донатами, в разговорах с друзьями, родными, журналистами, поддержкой или неподдержкой партий в зависимости от их отношения к происходящему. Важно, чтобы европейцы понимали: если в стране появляются беженцы и искатели убежища не только из Украины, но и из России – они приехали не от хорошей жизни. Ведь граждане Европы, в отличие от

граждан России, чувствуют, что от них что-то зависит.

И ещё им нужно рассказывать, куда можно пожертвовать, чтобы помочь страдающим от войны. Европейцы часто не знают, куда донатить адресно, и несут деньги большим организациям. Но маленькие тоже важны, а 10 евро, которые для Amnesty International капля в море, для небольшой помогающей инициативы могут значить очень много. Мы рассказываем о таких инициативах.

Конечно, комьюнити влияет извне и на сопротивление внутри страны – но измерить КПД этого влияния невозможно. Как невозможно и свергнуть режим через это влияние. Но можно поддержать людей, не дать им отчаяться и опустить руки. Срочно эвакуировать в случае опасности, наконец.

Как вы видите свою роль в послевоенном мирном процессе? Продолжится ли ваша работа и/или во что она может трансформироваться?

Сейчас любая встреча антивоенно настроенных россиян с людьми из Украины сопряжена с ужаснейшим чувством вины. Люди не знают, что сказать, но если они пересиливают себя и разговор происходит, обеим сторонам становится легче. Очень важно, чтобы россияне, особенно поддержавшие и осуществляющие военные действия, и украинцы, пострадавшие от них, встречались лицом к лицу в безопасной обстановке, в присутствии профессионального медиатора, не принадлежащего ни к одним, ни к другим. Чтобы можно было попросить прощения – это иногда важнее для восстановления справедливости, чем справедливый приговор на суде. Возможно, наши ячейки во многих странах могли бы выступить организаторами таких встреч.

Когда война закончится, у России и Украины будет много объединяющих тем, связанных с правами женщин. Мужчины – и агрессоры, и защитники – возвращаются с любой войны с травмированной психикой, их травма выливается на жен, детей, сестёр. Мы можем поддерживать женщин, сталкивающихся с подобным, и помогать им.

Как, на ваш взгляд, Россия может укрепить доверие международного сообщества к себе в послевоенный период? Какие изменения должны для этого произойти в российской политике и обществе?

Даже когда Путина не станет, все структуры останутся, а они завязаны на элитах, коррумпированы. России нужны очень радикальные перемены: полная смена институтов власти, судебной системы, правоохранительных органов. Люстрация, а возможно, несколько. Когда новое правительство покажет, что настроено серьёзно, что работает на то, чтобы ситуация в стране стала лучше, оно получит право и возможность общаться к миру за помощью, за экспертизой.

Это не означает, что стране понадобится европейский специалист, который придёт и всё наладит. Понадобятся консультации, понадобятся совместные обсуждения, как строить новое государство исходя из российских реалий и международных норм. Может быть, понадобятся study visits в страны Запада – чтобы посмотреть, как там всё устроено и что из этого опыта пригодится нам.

Ведение диалога и выполнение обязательств может восстановить разрушенное доверие. Европа, как я уже говорила, устала от войны – и она будет рада, если Путин уйдёт и в России будет адекватная и договороспособная власть.

«Когда человек видит антивоенное комьюнити в своём городе, это придает ему сил сопротивляться и показывает, что он не один»

Иван Руднев, редактор медиапроекта Пермь 36.6, экс-заместитель координатора штаба Алексея Навального в Перми

Представьте ваш проект, расскажите, какой вклад он вносит в прекращение войны и построение мирного будущего России

Летом 2021 г. штабы Алексея Навального признали экстремистской организацией (напомню, что в 2017 г. Навальный начал президентскую кампанию, по всей стране был открыт 81 штаб, в включая 11 «народных», то есть открытых по инициативе местных жителей собственными силами. Но Навального незаконно выбили из президентской гонки, а затем отравили и посадили за решетку). Мы, сотрудники штаба в Перми, решили продолжать работать как медиа. Когда началась война, мы оказались единственным СМИ в городе, которые сразу сделали антивоенное заявление, а потом и вообще остались единственным антивоенным медиа в регионе – писали о российской агрессии, о том, как война и санкции сказываются на регионе (а регион у нас промышленный, так что санкции сильно по нему ударили).

Региональные медиа, как и региональные штабы, максимально близки к людям, лучше федеральных погружены в ситуацию в регионе. Со времён штабов у нас остались многочисленные связи с локальными комьюнити, правозащитными группами (градозащитники, правозащитники). Очень важно находить общность именно на уровне региона: есть более крупные СМИ, которые открыто высказываются против политики Путина и войны, но когда человек видит антивоенное комьюнити в своём городе, это придает ему сил сопротивляться и показывает, что он не один, что совсем рядом (а не в далёкой столице) есть единомышленники. Так мы собрали вокруг «Пермь 36.6» всех антивоенно, гуманистически настроенных жителей города и области.

Правда, нам самим не всегда понятна грань – мы больше медиа или больше активисты. Профессиональное СМИ вроде бы должно быть беспристрастным, объективно освещать события, давать слово обеим сторонам. Мы так, конечно, не делаем, у нас яркая антивоенная и оппозиционная направленность. Мы принимали участие в нескольких антивоенных кампаниях и акциях, открыто призывали горожан не молчать. И это действует. Люди, выходя на антивоенные пикеты, знают, что есть кому за них постоять: кроме информационной поддержки, у нас есть юрист, который сейчас в регионе и берёт все дела, связанные с «дискредитацией вооружённых сил» и «фейками». Мы помогаем и собирать на штрафы для задержанных. Хотя есть и другие, в том числе федеральные службы, помогающие активистам, очень важно, что такую поддержку оказывает локальное комьюнити.

Как вы видите свою роль в послевоенном мирном процессе? Продолжится ли ваша работа и/или во что она может трансформироваться?

Поле деятельности огромное, проблем будет куда больше, чем до войны, и нам, гражданскому обществу, предстоит их разгрести. Думаю, мы продолжим работать, как и работали, будучи штабом: продолжим заниматься склеиванием разных гражданских региональных инициатив, в том числе медийных, продолжим работать над комьюнити и вместе с ним.

Как, на ваш взгляд, Россия может укрепить доверие международного сообщества к себе в послевоенный период? Какие изменения должны для этого произойти в российской политике и обществе?

Первый шаг – возродить в стране питательную среду в виде активного гражданского общества, воссоздать эту экосистему. Такова наша миссия и наш вклад в восстановление отношений с демократическими странами. Важно продолжать международное сотрудничество разных НКО.

Мир всегда был открыт к России, границы выстраивались изнутри. Чтобы нормализовать отношения, будущей России нужно просто возобновить этот диалог. Я был приятно удивлен, что представители Еврокомиссии максимально открыты и заинтересованы в этом. Мы все соседи, части европейского сообщества, нам придётся коммуницировать.

Вы недавно участвовали в поездке Брюссель, организованной Free Russia Foundation для представителей гражданских инициатив. Как можете оценить итог общения с европейскими институтами, и как вашему проекту помогла эта поездка?

Встречи с руководителями крупнейших демократических партий и сотрудниками НАТО, которые работают по российскому направлению, помогли разобраться, как устроен механизм принятия решений в ЕС. Приятно удивила открытость НАТО как институции. В частности, возможность участвовать в совместных проектах, а также лоббировать инициативы в целях поддержки гражданского общества в России.

«Гражданское общество в России сейчас – субкультура. Наша задача – сделать гражданское участие частью массовой культуры»

Екатерина Сухарева, создательница и координатор «Академии антикоррупции», образовательного проекта для активистов и независимых муниципальных депутатов

Представьте ваш проект, расскажите, какой вклад он вносит в прекращение войны и построение мирного будущего России

Проект «Академия антикоррупции» появился три года назад. Мы работаем с активистами и независимыми муниципальными депутатами с Северо-Запада России. «Академия» родилась после большой независимой кампании в Петербурге: появилось несколько десятков муниципальных депутатов, которым нужно было освоить азы гражданского контроля. Мы вместе с приглашёнными спикерами учим людей работать с базами и реестрами данных, учим видеть коррупционные практики и противодействовать им, помогаем писать обращения и делать локальные расследования. За три года в проекте поучаствовало около 200 человек, 50 – действующие муниципальные депутаты.

Думаю, важная задача сейчас – не терять друг друга. Продолжать объединять людей с антивоенной позицией в жизнеспособные комьюнити, развивать навыки этих людей. Я считаю, что России нужна сумасшедшая горизонталь, и поэтому строю горизонтальное сообщество из людей, интересующихся темой противодействия коррупции.

Когда человек умеет проводить собственные расследования, писать обращения, формулировать выводы из наблюдений, и его соратники это видят, – человек получает базовый политический капитал. К нему начинают прислушиваться, вокруг него формируется сообщество, из активиста он превращается в гражданского лидера, в актора перемен. Сегодня вы как антикоррупционный активист контролируете, как строится дорога возле вашего дома, завтра – идёте баллотироваться в муниципалитет, потому что поняли, что можете изменить ситуацию к лучшему, принести общественную пользу.

Всё дело в том, что в России сейчас очень мало путей входа в гражданскую активность. Власть намеренно срубает головы независимым организациям. Чем больше точек входа нам удастся создать и сохранить, тем лучше для будущего.

Как вы видите свою роль в послевоенном мирном процессе? Продолжится ли ваша работа и/или во что она может трансформироваться?

Людям сейчас очень трудно говорить и мечтать о будущей мирной России. Мы плохо понимаем, какой она может быть, не осознаём с какими вызовами можем столкнуться по дороге к ней. Но чтобы у людей появилась мотивация к действию, представить хотя бы её контуры просто необходимо. Поэтому недавно мы запустили проект по изучению опыта демократической трансформации в других странах. Оказывается, многие общества прошли этот путь. Надеюсь, и у нас получится.

Сейчас несколько исследовательских групп изучают международный опыт в шести разных направлениях. Участники прорабатывают те области, в которых они уже сильны, берут экспертные интервью, общаются с практиками и представителями российского и зарубежного академического сообщества. К примеру, Виталий Боварь, будучи муниципальным депутатом в Петербурге, много занимался контролем работы полиции. Сейчас Виталий аккумулирует опыт реформирования полиции в разных странах и скоро расскажет всем нам о своих наработках. Весной 2024 г. мы хотим запустить большой просветительский проект для гражданских лидеров из России.

Как, на ваш взгляд, Россия может укрепить доверие международного сообщества к себе в послевоенный период? Какие изменения должны для этого произойти в российской политике и обществе?

Думаю, международное сообщество должно увидеть, что в российском обществе есть запрос на изменения. Что в России есть много людей, которые хотят, чтоб их страна была демократической и мирной. И задача гражданских лидеров – требовать институциональных изменений, становиться акторами этих перемен, добиваться представительства, которого сейчас у российского гражданского общества нет.

Я много думаю над тем, как мы пришли в эту точку. Как мы смогли допустить военную агрессию России в отношении Украины? Причин много: экономическое неравенство, лавина нефтегазовых доходов, которые были направлены на построение автократии, запредельный уровень коррупции, беспрецедентный для современного мира размах политических репрессий.

Гражданское общество в России очень молодое. Если вы посмотрите на историю любой успешной некоммерческой организации, то скорее всего увидите, что этому сообществу не более 10 лет. Молодое, но, несмотря ни на что, активно развивающееся. И власть это прекрасно понимает, поэтому старается загнать нас в состояние субкультуры. И наша общая задача в будущем – сделать гражданское участие частью культуры массовой.

Вы недавно участвовали в поездке Брюссель, организованной Free Russia Foundation для представителей гражданских инициатив. Как можете оценить итог общения с европейскими институтами, и как вашему проекту помогла эта поездка?

Было очень интересно посмотреть, как работают демократические институты и механизмы. С некоторыми мы планируем взаимодействовать в будущем; в ситуации, когда представители гражданского общества из России были вынуждены релоцироваться в разные страны, такие мероприятия чрезвычайно полезны. Поездка помогла мне найти единомышленников и партнёров, с некоторыми участниками мы думаем над тем, как консолидировать усилия в работе над общими направлениями.

«Чем меньше людей в российской армии, тем больше шансов, что война быстрее кончится»

Алексей Табалов, правозащитник, юрист, основатель и исполнительный директор автономной некоммерческой правозащитной организации «Школа призывника»

Мы создали «Школу призывника» в 2009 г. в Челябинске, чтоб помогать призывникам, военнослужащим и гражданам, выбирающим альтернативную гражданскую службу, защищать их права. Одновременно мы занимались просветительством, так как хотели не просто помогать, но и повышать субъектность людей, их самосознание, чтобы в сложных ситуациях они сами могли бороться за свои права. Пока у нас был допуск в воинские части, делали мониторинг их работы, когда доступ закрыли, мониторили работу военкоматов и призывных комиссий: соблюдается ли там законодательство, есть ли нарушения прав граждан.

С началом войны обращений стало кратно больше, мы расширили команду. Мы убеждали военнослужащих разрывать контракты и уходить с войны: этим занимались не только мы, а целая коалиция правозащитников, журналистов, активистов. К концу лета прошлого года число таких отказников выросло, в армии стали создавать так называемые «ямы» и лагеря для них. Получалось бороться и с ними, но осенью власть пошла по жёсткому пути: объявила мобилизацию и сразу же ввела запрет на расторжения контракта до конца мобилизации (а как мы помним, она идёт до сих пор). Контрактники оказались в рабстве до конца войны, которого пока не видно.

Соответственно, наша прошлая тактика уже не работала. Мы сосредоточились на

том, что убеждали и убеждаем людей не брать повестку и не ходить в военкоматы. Наша задача – помочь всем, кто не хочет служить в армии, не хочет идти на фронт. Чем меньше людей в российской армии, тем больше шансов, что война быстрее кончится.

Мы делаем обучающие видеоролики, выпускаем инструкции, методические указания, рекомендации. Получаем около 1000 обращений в месяц, консультируем через почту, страницу во «ВКонтакте» и сайт. Горячую телефонную линию закрыли после старта мобилизации – были не в силах обрабатывать кратко выросший объём обращений. Так как уйти с фронта почти нереально, то основная масса заявителей – это призывники, запасники и их родственники. Оставляем и правозащитную составляющую: составляем жалобы, иски, заявления, предлагаем юристов и адвокатов для защиты в судах – как правило, суды связаны с отказами в предоставлении альтернативной гражданской службы.

Как вы видите свою роль в послевоенном мирном процессе? Продолжится ли ваша работа и/или во что она может трансформироваться?

Правозащитная составляющая работы важна и всегда будет – в России при любом режиме будет армия.

Мы надеемся, что в будущем российское законодательство будет либерализовано, а общество – вовлечено в процесс преобразований страны. В том числе и в обсуждение, какой должна быть российская армия, кем она должна управляться и контролироваться, в каких случаях она может использоваться и как не допустить ситуации, когда армия становится инструментом исполнения безумных желаний сумасшедшего тирана.

Я выступаю за то, чтобы призывная армия была ликвидирована, а вместо неё создана компактная профессиональная армия, находящаяся под контролем общества и парламента. Нужны гарантии государства в отношении граждан, заявляющих сознательный отказ от военной службы. Государство не вправе принуждать граждан к службе в армии: это не долг, не почётная обязанность и тем более не всеобщая повинность. Внутренне устройство армии должно быть изменено: сейчас военнослужащий – это сырьё, пушечное мясо, у которого нет прав, одни лишь обязанности.

Если бы в той будущей России, где коалиционное правительство будет назначать парламент (а не президент), мне предложили должность министра обороны, я бы не отказался.

Как, на ваш взгляд, Россия может укрепить доверие международного сообщества к себе в послевоенный период? Какие изменения должны для этого произойти в российской политике и обществе?

Вряд ли Россия войдёт в НАТО, но добрыми и не воинствующими партнерами мы вполне можем быть.

Разумеется, Россия должна прекратить эту войну, вывести войска на международно признанные рубежи 1991 г., принести Украине извинения, выплатить репарации,

возможно, принять участие в восстановлении разрушений, которые она принесла. Но куда важнее переосмысление произошедшего внутри российского общества: нам самим внутри страны нужно разобраться, как мы до этого дошли и как такого не повторить. Разобраться, были ли действия Путина и его команды военными преступлениями, преступлениями против человечности и своей же страны. Для этого нужен внутренний трибунал, общественный судебный процесс.

«Чем больше граждан разных взглядов получит опыт участия в политике, тем выше будет общий уровень гражданского самосознания»

Сергей Шухов*, специалист по визуализации данных, инфографике и дата-журналистике, автор гражданских и антивоенных проектов

* имя изменено из соображений безопасности

Представьте ваш проект, расскажите, какой вклад он вносит в прекращение войны и построение мирного будущего России

До войны я работал над проектом Russia vote – это сервис, который наглядно показывает ситуацию с муниципальными выборами в России, какие есть депутаты в каких муниципальных образованиях, когда они были избраны, какая была явка и пр.

Сервис полезен тем, кто может и хочет стать муниципальным депутатом или хотя бы задумывается о карьере в политике. Мы показываем, как это сделать, а это на самом деле реально и не слишком сложно, на порядки проще, чем пройти в Государственную думу: например, в 2/3 регионов вам достаточно собрать подписи 100-150 человек. Рассказываем, какие документы нужно собрать, куда их нести. А избирателям во время выборной кампании показываем, кто выдвигается у них в районе (в 99% случаев найти эту информацию – нетривиальная задача), объясняем, что могут и чего не могут муниципальные депутаты.

Так мы привлекаем внимание к муниципальным выборам как основному элементу низовой демократии, рассказываем людям, на что они могут повлиять и как избиратели, и будучи избранными. Мы не ориентировали проект только на либеральную оппозицию: важно, чтобы любой, независимо от взглядов, имел возможность участвовать в

политическом процессе в России, чтобы любой мог попробовать избраться. Чем больше граждан разных взглядов получит опыт участия в политике, тем выше будет общий уровень гражданского самосознания.

По сути, мы занимаемся цифровой партизанской деятельностью – берём то, что изначально сделано неправильно, и за счет интерфейса делаем так, чтоб оно начинало работать. Все данные, с которыми мы работаем, есть в открытых источниках – на сайте ЦИК, например. Но сам по себе доступ не делает работу с ними ни простой, ни удобной. Мы берём эти данные, визуализируем их, помогаем их читать, понимать – и сухие данные превращаются в общественно полезный сервис, который решает много задач.

Кроме этого, я занимаюсь media literacy, digital literacy, data literacy: мы рассказываем, каким источникам можно доверять, как распознать источник, который не вызывает доверия. Базовый навык критического мышления и получения информации о мире – читать и сопоставлять разные источники. Это критически важный навык для любого участника гражданского общества, так как позволяет ему принимать нормальные решения и, соответственно, влиять на ситуацию.

Как data-журналист, я занимаюсь проектами, связанными с войной, обучаю журналистов работать с данными, визуализировать информацию, делаю небольшие проекты (например, опираясь на некрологи, сделал инфографику, сколько в разные периоды войны гибло российских солдат). С кыргызскими журналистами делаем сейчас проект о реэкспорте – визуализируем и сопоставляем открытые данные, из которых очевидно, что Кыргызстан закупает чипы и прочее оборудование военного назначения в Китае, Корее, Европе и переправляет его в Россию.

Конечно, войну всё это не остановит, но это работа на развитие гражданского общества.

Как вы видите свою роль в послевоенном мирном процессе? Продолжится ли ваша работа и/или во что она может трансформироваться?

Все наши наработки последних лет не пропадут и будут полезны и после войны и смены власти. Я готов, как и сегодня, делать сервисы на основе открытых данных – а если будет возможность, то и помогать государству создавать такие сервисы. Я могу внести вклад в те сферы, которые государство в рамках здоровой цифровизации пока не охватило. Это может быть совещательная или рекомендательная роль, возможно, формирование консультативного органа при государственном органе.

Как, на ваш взгляд, Россия может укрепить доверие международного сообщества к себе в послевоенный период?

Проблемы не решатся сразу, но начать говорить о них открыто – уже важный шаг. Нужно начать нормально коммуницировать с миром, без постоянного обмана, лжи, газлайтинга. Перестать на государственном уровне, в государственных медиа заниматься пропагандой, ложью, дезинформацией.

Следующий шаг – повышать прозрачность на всех уровнях: вернуть свободу слова, вернуть независимые СМИ, сделать выборы снова честными, насколько это возможно. Честные суды начнут улучшать инвестиционный климат.

Кратно нарастить интерес людей к муниципальному управлению очень просто: нужно изменить потоки финансирования. Когда местные налоги идут в местный управленческий орган, люди начинают быть кровно заинтересованы, чтобы их представитель стал депутатом – это базовая история, которая отлично работает во многих странах, причём работает даже сама по себе, при отсутствии партий и пассивном парламенте. Какой-то интерес снизу уже есть, по крайней мере, он начал появляться лет 5 назад благодаря усилиям таких политиков, как Максим Кац, Дмитрий Гудков и пр.

Всё это невозможно без глубокого изменения политической системы. Нужен полноценный парламентаризм – тогда власть больше не окажется в руках одного человека и одной партии.